

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ СМУТНЫХ ДНЕЙ

Золото и камни

На улице минус десять. Явилась зима – встречай. Мир плавает в снежной взвеси. Ты пьёшь, обжигаясь, чай. Отныне тут будет север, он явно надолго к нам. Шлёшь письма. Почтовый сервер в ответ предлагает спам.

Читай или нет, но соткан из этого свет давно. Мы дети в подводной лодке, а лодка легла на дно. Она не всплывёт, я знаю, она не вернётся в порт. Мелькают рыбёшек стаи. Песками заносит борт.

На суше о нас не помнят. Не ждут никого. Не ждут. Вся разница – те из комнат, а мы из своих кают – не можем ни шагу сделать. И тот, кто ушёл, – пропал. Качает прибоем тело на фоне убогих скал.

Мы сами себя не слышим. И это взаправду так. Из тех, кто живёт повыше, никто не подаст пятак за нас – по частям и разом. И оптом. И на развес. Мы стразы. Всего лишь стразы. И если блестим, то без понятного смысла. Скоро мутнеет стекло. Итог – остатки смешного вздора плюс веник, ведро, совок.

Мы фото в чужих альбомах – в нас тычут: «Ты кто такой?». Мы серое племя гномов – породу скребём киркой. Авось золотая жила. Достаточно чётко план. Но пусто – и есть, и было. И золота ни на гран.

Окно. Сигарета снова. Полпачки-полдня-провал. Давал же недавно слово. Себе самому давал. Здесь душно. Здесь слишком душно. Мельчают к утру слова.

Ты ляжешь лицом в подушку –
и спишь свой день за два.

На перекрёстках эпох

Всё было просто и легко. Себя отсчитывало время. И, невезучим игроком, чей промах был замечен всеми, сбивалось с такта, пропустив сегодня час, а завтра сутки. Попытка выехать на шутке, причём с претензией на стиль.

Причём с кивком на странный век, а он бесстыдно переменчив, как государство во главе с невзрачной личностью во френче. И взятка глупая, не в масть, и пропуск лет сыграли в сумме – никто не жив, никто не умер, и только без вести пропасть пришлось кому-то в доме том, который рядом с океаном на берегу стоит пустом. И вот – сияет утром рано пора обещанных чудес, а в них чудесного – ни слова. Под этим небом всё не ново. Всё с ожидаемым вразрез.

И это было бы чертой, часов двенадцатым ударом, а дальше – путь дорогой той, где никогда не станешь старым, где нас прошедшие года брелками вешают на пояс, берут билет, садятся в поезд, чтоб не вернуться никогда.

И это был бы тот финал, который с точностью предсказан по вкусу терпкого вина и переходу к новым фазам процесса – видеть на воде семь тысяч лунных отражений и серебристое кружение, как если б ты себе надел кольцо всевластия над тем, чего не знаешь сам покуда. И выбирая свой тотем, не смог меж волком и гарудой найти своё. И таял срок. Ты открестился, подытожив, – такое быть могло бы тоже. Когда б хоть что-то было впрок на перекрёстках смутных дней, где всё – ни здорово, ни плохо. Где тот, кто плыл, – давно на дне, над ним куражится эпоха – номенклатурный нувориш, пяток холуев из провинций – привычки, выросшие в принцип... И азиатчина. И тишь.

И безнадежен бред степей, где внуки роются в курганах, вцепившись в предков, как репей, чтоб волочить телеэкрану тракторку свежую и взгляд на время оно, время песен, когда был мир ещё не тесен, – сто сорок войн тому назад.

Сто сорок первая сидит, как шарлатанка, возле двери, клянётся лучшей быть среди реаниматоров империй – раздать всем сёстрам по серьгам, раздать всем братьям по бутылке. И, с кривоватою ухмылкой, идёт сулить того же там, где совпадающий маршрут по кругу. Замкнутому кругу. И где, похоже, тоже ждут – кто с нетерпением, кто с испугом. И это был бы чей-то сон. Антиутопия на тему.

Но это здесь. И это все мы –
по именам и без имён.

Роман

Банален, в общем-то, роман.
Сюжет относится к избитым.
Опять – дырявое корыто.
И безнадежно, в стельку пьян
старик, что клянчил горстку дней
у золотой ехидной рыбки,
но получил в итоге хлипкий
денник. Причём без лошадей.
Бутыль крутого первача.
Заплесневевшую краюху.
Да ко всему ещё – старуху
и шубу с барского плеча.

А барин – свеж, румян и сыт –
зашёл и сморщился: «Однако...
Так жить не станет и собака...
Неужто вас не мучит стыд?»

И угодил ботинком в грязь.
И осерчал. Калиткой хлопнул.
И бормотал жене: «Холопы...» –
в карету белую садясь.

Старуха молвила: «Дурак!» –
и попрекнула деда пьянкой
и тем, что выбиться в дворянки
не получается никак.
Вот хоть ложись да помирай –
зачем пошла за идиота?
Ему ни дела, ни заботы.

Напьётся – топает в сарай
и спит весь день до темноты.
А иногда бывает – сутки...

...в углу, где свёрнутые в трубки,
полуистлевшие холсты.

Лепрозорий

И всё закончится. Затем, что всё кончается когда-то. Не хватит слов. И даже тем. И, озаботившись зарплатой, найдёшь полсотни важных дел, а не найдёшь – найдутся сами. И рассудив: финал, предел, – покончишь разом с голосами, что столько зим тебя вели тропинкой узкой над обрывом – и завели на край земли, где неприютно и тоскливо.

Где нормой стала пустота. А в небе сумрачном маячит созвездье лунного креста – течёт серебряным, горячим, звенит хрустально – чистый свет, но стынут души утром ранним у тех, кто был хоть раз согрет его блистательным сияньем.

Ходить под ним – забыть о сне, и о себе, и о рассудке. И если ночь – то ты на дне, а ночь растянется на сутки, – и день, как водится, мелькнёт случайной встречей возле дома: вы будто виделись, но вот – друг другу явно незнакомы.

Так жить нельзя. Так не живут. А лишь сползают по наклонной. А берег близок. Очень крут. И неподвижна гладь бездонной, из мира прошлого, реки, в которой ты однажды канул, – иплыли медленно венки, как мертвечина, к океану. И там, и тут – одно и то ж. А значит – вряд ли будет хуже. И как себя не подытожь – ты никому нигде не нужен.

И говоришь всегда одно. И об одном. О сущем вздоре. Что нет другого – не дано. Что здесь повсюду – лепрозорий. И безнадежны города – в них взгляды делаются суше, и переехавшим туда всё время хочется разрушить нагромождение витрин и суету горящих окон. И каждый волен быть один – но это слишком одиноко и молчаливо. Тишина – извечный враг любых иллюзий, и в лабиринтах стен она – отчётливее вдвое грузит.

И делит фразы на куски. И те – отрывисты и кратки. И ломит к вечеру виски мигрень, как следствие осадков. Туман ли, дождь – мир очень прост. И не цветной. А чёрно-белый.

Мешок надежд – коту под хвост.
Всё бесполезно. Что ни делай.

Екатерина II

Екатерина Вторая, к утру Сечь сгорела.
Вывезли всё, что могли, остальное – воронам.
Тех, кто остался, – в холопы. Понятное дело,
земли отходят Российской империи. Трону.

Малость пожгли по пути ещё. Так себе. Хаты.
В духе Петровом виктория – сходу и сразу.

Радость победы российского чудо-солдата
подкреплена императорским чётким указом.

Пусть по шинкам произносится мрачное «кляті...»,
пусть освящают ножи – всё, что было, то сплыло.
Столько навито верёвок, что каждому хватит.
Век просвещения также не беден на мыло.

Век Золотой. Обретение новых колоний.
Дружба народов крепчает от визга картечи.
Позже припомнят России. Припомнят короне.
Время глядит равнодушно и вовсе не лечит.

Сеяли долго. Взросло. Да бурьян, а не жито.
Мир переменчив, достаточно смутен и тесен.

Екатерина Вторая в металле отлита.
С тем, чтобы гордо торчать в Украине. В Одессе.

Дон Румата

Он был свободней гордой птицы. И непреклонней, чем Пилат. Его карающей десницы не избежал ни стар, ни млад. Он брал противника измором и уличал его в грехах. Ему завидовали – Зорро и вся система ЖКХ. В гробу ворочался Ульянов, вздыхал с тоской. Пытался встать. Поодаль бледная охрана упоминала чью-то мать... Амбициозный Фредди Крюгер (ну, Запад, что с него возьмёшь) хотел учиться, но с натуги внезапно помер. Так ото ж.

Он был душою каждой склоки, легко входил в любой скандал – и бичевал вокруг пороки, и скандалистов бичевал. И те, которые марали друг друга в драках там и тут, – теперь идут тропой морали, и это очень даже гут. С тех пор в округе много чище, но неспокоен наш герой: увы, он счастья не ищет, а ищет встать на смертный бой и очутиться в самой гуще, наперевес держа кистень... Являясь крайне вездесущим – всевидящ тоже, ясен пень.

Он превентивная защита. Когда вокруг полно проблем, одной простой бейсбольной битой решает разом сорок тем. Конечно, способ сей суровый, но времена у нас – бардак. Да хоть послушайте Лаврова – вполне понятно, что и как. Узнав о тайных подоплёках, тревожусь я за здешний край... Но есть недрёманное око, есть беззаветный самурай – и он придёт. Своих одарит. Чужих на щебень разнесёт. Пусть отдыхает Поттер Гарри, поскольку это наше всё. Сам Шварц, который Терминатор, – унылый карлик рядом с ним.

Он – виртуальный дон Румата.
Неистребимый аноним.